

Н.В. Томан

Неизвестная земля

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Н11

Н11 **Н.В. Томан**
Неизвестная земля / Н.В. Томан – М.: Книга по Требованию, 2013. – 141 с.

ISBN 978-5-458-03319-0

ISBN 978-5-458-03319-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Томан Николай
Неизвестная земля

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
НЕИЗВЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ

I

- Уж очень все мрачно, Алеша, - со вздохом произносит Василий Васильевич Русин, дочитав последнюю страницу научно-фантастической повести сына, опубликованной в журнале "Мир приключений".

- Но в рукописи тебе это не казалось?

- В рукописи это не звучало так страшно... Ведь не что-нибудь - целая планета превращается у тебя в космическую пыль. И не просто планета, а обитаемая, населенная разумными существами... Право же, это ужасно!

Он не смотрит в лицо сына - знает, какое оно, ждет его возражений. Алексей молчит - обиделся, значит... Надо бы утешить, подбодрить его чем-то, а он снова:

- Сам не пойму, откуда у меня теперь это чувство страха... Может быть, иллюстрации так повлияли? Художник не поспешил на мрачные тона... Ты, однако, не сердись на меня, Алеша. На обсуждении тебе, наверно, еще и не то скажут. Я ведь и раньше тебе говорил, что в повести твоей много спорного...

- А что у меня спорного? - произносит, наконец, Алексей. Существование Фазтона? А есть разве какое-нибудь иное объяснение происхождению пояса астероидов между орбитами Марса и Юпитера? Академик Шмидт считал его, правда, "недоделанной планетой", но почему же тогда астероиды имеют осколочную форму? У него нет на это ответа. А осколочная форма явное свидетельство взрывного их происхождения.

Все это известно и Василию Васильевичу. Существование планеты меж орбитами Марса и Юпитера допускают ведь академики Заварицкий и Фесенков. Не возражает против этого и такой известный астроном, как Воронцов-Вельяминов, да и другие ученые. Может быть, они и правы, но что же тогда погубило эту планету? Почему она развалилась?..

Этот вопрос Василий Васильевич задает сыну вслух.

- А знаешь, почему? - отвечает Алексей. - Да по той причине, что все имели в виду мертвую, необитаемую планету. С нею действительно ничего не могло случиться...

- А с обитаемой? Населенной разумными существами?

- Могло случиться именно то, что описано в моей повести.

Василий Васильевич молчит, хотя доводы сына его не убеждают. Но спорить ему не хочется.

- А я знаю, почему повесть моя не понравилась тебе сегодня, задумчиво, будто рассуждая вслух, произносит вдруг Алексей. - У тебя, наверно, какие-то неприятности на работе...

- У меня лично - никаких.

- Не обязательно у тебя лично. Но случилось ведь что-то?

- Да, пожалуй... - помолчав, соглашается Василий Васильевич.

- Что же?

Василий Васильевич отвечает не сразу. Задумчиво ходит по комнате, вздыхает.

- Если это секрет... - прерывает его молчание Алексей.

- Нет, нет, никакого секрета! Просто не знаю, как тебе все это объяснить... А

случилось вот что: у одного нашего профессора пропал портфель с научными материалами...

- А ты-то тут при чем?

- Да разве в том только дело, при чем я тут или ни при чем? Просто я знаю, сколько труда было вложено в его работу. Он ведь не один день провел в моей библиотеке. Приходилось даже уступать ему иногда свой кабинет, и он сидел в нем до поздней ночи, заваленный книгами, написанными чуть ли не на всех европейских языках.

- Что же он - полиглот?

- Знает английский, французский и немецкий, а с их помощью нетрудно разобраться и в остальных. Его интересует ведь главным образом математический аппарат, а он универсален. Не случайно один из наших физиков назвал язык математики "божественной латынью современной теоретической физики". Кстати, это он же назвал книгу Уилера "Гравитация, нейтрино и вселенная" почти религиозным гимном нейтрино.

- А профессор, потерявший портфель с научными материалами, работает, значит, в области этого таинственного нейтрино?

- Ты угадал. Он не сомневается, что природа создала нейтрино с какими-то очень глубокими, но пока не очень ясными для нас целями.

- Но ведь исследования этого профессора не секретные, наверно, раз он работал в твоём кабинете?

- Официально его работы называются: "Нейтринным аспектом слабых взаимодействий" и "Возможным макроскопическим проявлением слабых взаимодействий".

- Насколько я себе представляю, это пока сугубо теоретические работы. Чего же вы переполошились тогда?

Василий Васильевич снова вздыхает.

- Дело, видишь ли, в том, что портфель свой он не потерял, а скорее всего его украл... Во всяком случае, я лично в этом почти уверен.

- А профессор?

- Напротив, всячески старается меня уверить, что портфель потерян.

- А по-моему, ты все это просто выдумываешь, - после довольно продолжительного молчания заключает Алексей.

Василий Васильевич, не сказав ему на это ни слова, уходит в свой кабинет. Лишь перед ужином снова заходит к сыну.

- Когда будет обсуждение твоей повести? - спрашивает он Алексея.

- Завтра.

- И ты уверен?..

- Ни в чем я теперь не уверен. А вселил в меня эту неуверенность ты. Наверно, и в самом деле банальна придуманная мною катастрофа Фаэтона... Но отчего же еще может погибнуть целая планета, жизнь на которой достигла высокого совершенства?

Василий Васильевич, не отвечая, садится рядом с ним на диван.

- Что же ты молчишь, папа? Ты ведь зашел ко мне не затем только, чтобы спросить, когда будет обсуждение моей повести? Тебе это и без того было известно...

- Я вспомнил слова Леонида Александровича, произнесенные им сегодня.

Они, пожалуй, могут тебе пригодиться.

- А кто такой этот Леонид Александрович? Тот самый профессор?..

- Да, тот самый. И знаешь, что он сказал? Он сказал, что в наше время, как никогда, велика ответственность за научный эксперимент. По его мнению, не только ни одна термоядерная бомба любой эквивалентности, но и никакая атомная война не может наделать стольких бед, как чрезмерное любопытство ученых... Над этим стоит подумать и вам, научным фантастам.

- Ты думаешь, что Фазтон мог погибнуть в результате какого-нибудь глобального научного эксперимента? По-твоему, там ученые были настолько безрассудны?..

- Нет, зачем же!

- Ну, а в чем же тогда может быть причина катастрофы?

- Эксперимент мог быть поставлен одновременно двумя или несколькими странами. Странами с различным общественным строем, враждующими между собой, скрывающими друг от друга свои эксперименты... Ты понимаешь мою мысль?

Алексей уже не может спокойно сидеть на диване, он возбужденно ходит по комнате. А Василий Васильевич продолжает:

- Ты вообще подумай над глобальным характером современных научных экспериментов. Помнишь, еще в 1958 году в связи с отработкой аппаратуры для создания искусственных комет нашими учеными было создано облако из паров натрия на высоте нескольких сот километров? Его видимые размеры заполняли расстояние между крайними звездами Большой Медведицы, и наблюдалось оно с территории в несколько миллионов квадратных километров. Разве подобный эксперимент не носит глобального характера? Да ты не слушаешь меня, Алеша?

- Прости, папа, я задумался... Ты подсказал мне очень интересную идею. Боюсь только, как бы не пришлось из-за нее переписывать наново всю мою повесть.

- А ты послушай сначала, что тебе скажут на обсуждении.

- Да, придется...

2

Хотя все, кто собрался на обсуждение повести Алексея Русина, говорят о ней в основном доброжелательно, ему чудится все же какая-то предвзятость в их словах. Особенно же неприятно ему выступление Гуслина, считающего себя теоретиком научной фантастики. Он не утверждает прямо, что повесть Русина кажется ему примитивной, однако эту мысль нетрудно угадать в не очень глубоком подтексте его речи. И это не удивляет Алексея. Он знает, что для Гуслина ясность научных и философских позиций признак несомненной примитивности мышления и бесспорной ограниченности автора.

Председательствует на обсуждении редактор журнала "Мир приключений" Петр Ильич Добрянский. Чувствуется, что и ему не очень нравится выступление Гуслина, но Петр Ильич не подает никаких реплик, лишь изредка высоко поднимает брови и слегка покачивает головой, когда мысль выступающего кажется ему очень уж спорной.

Но вот берет слово молодой, очень плодовитый фантаст Фрегатов. Алексей хорошо знает его и ценит, как человека талантливого, оригинального, но никак

не может понять, почему он, молодой ученый, отлично знающий физику, астрономию и астрофизику, пишет вещи, в которых почти начисто отсутствует наука. Во всяком случае, та современная наука, перед могуществом и величием которой преклоняется Алексей Русин. Книги его называются научно-фантастическими, и повествуется в них о далеких мирах, в которые залетают на космических кораблях обитатели нашей планеты в XXI и XXII веках. Их техника, наука, терминология придуманы Фрегатом и потому кажутся наукообразными, ибо все это не опирается ни на одну из ныне существующих наук.

Фрегат, высокий, рыжеволосый, держится очень прямо, даже когда сидит, никогда не прислоняется к спинке стула. Говорит быстро и не очень связно. Небрежно отбросив тяжелую прядь густых волос, он выпаливает скороговоркой:

- Я завидую ясности повествования Русина. Но... как бы это сказать поточнее?.. В них нет находок. Все логично и понятно, а ведь в науке не так-то все просто...

- Зато бесспорно логично! - выкрикивает кто-то.

Алексей ищет его глазами. А, это Возницын, кандидат физико-математических наук и тоже молодой фантаст. Он очень нравится Алексею. Его позиции ему ясны.

- Ну, это знаете ли, не всегда так, - возражает Возницыну Фрегат.

- Если бы в науке все было так логично, - усмехается Гуслин, - единая теория поля не оказалась бы такой сложной проблемой.

- Но уж это не из-за отсутствия логики, или, вернее, закономерности явлений природы, - не сдастся Возницын, - а из-за недостаточности знаний у физиков-теоретиков. А знаний этих нет потому, что физики-экспериментаторы не поставили еще такого эксперимента, который...

- Э, бросьте вы это! - выкрикивает еще кто-то из фантастов. - А из чего выводил свою теорию относительности Эйнштейн? Скажете, может быть, что ей предшествовали труды Максвелла, Герца и Лоренца?

- Этого не отрицал и сам Эйнштейн, - замечает Возницын.

- Но ведь их труды были известны всем, - повышает голос Гуслин, - а истолковать результаты опыта Майкельсона-Морли смог только Эйнштейн.

- Но позвольте! - протестующе машет руками Фрегат. - Это что научная дискуссия на вольную тему или обсуждение повести Русина? Петр Ильич, - взывает он к Добрянскому, - дайте же мне возможность...

Председательствующий стучит авторучкой по графину с водой.

- Давайте действительно поближе к делу, товарищи. Хотя в общем-то все это очень интересно и полезно, конечно...

- Да, но в другой раз! - выкрикивает кто-то.

- Прошу вас, товарищ Фрегат, продолжайте, мы не будем вам больше мешать.

- А об Эйнштейне тут вспомнили весьма кстати, - довольно улыбается Фрегат. - Все вы, конечно, знаете, что его гениальную теорию сами же ученые называют "сумасшедшей"? Чего не скажешь о теориях многих современных физиков. И из этого следует, что они далеки от гениальности...

- Вы, однако, тоже, кажется, начинаете уходить от темы, - перебивает Фрегатова Добрянский.

- Нет, я не уйду от нее, Петр Ильич, я подхожу к ней. Конечно, нереально требовать от нашей научной фантастики гениальных произведений, но лучшие из них должны, по-моему, тоже быть немного с "сумасшедшинкой".

Все дружно смеются. Фрегатова умоляюще простирает руки вперед.

- Я все сейчас объясню!

- А чего объяснять? Все и так ясно! - снова вскакивает Гуслин. Поменьше фантастики гладенькой, "научпоповской", побольше будоражащей!

- Не нужно только путать "сумасшествие" с бредовостью и невежеством, замечает Возницын. - А то у нас снова появятся "космачи", чихающие на все пределы возможного.

- Вот и создай при этом что-нибудь "сумасшедшее", - демонстративно вздыхает фантаст Сидор Кончиков, подписывающий свои произведения псевдонимом "Сид Омегин". - Какие же могут быть пределы у науки? Забыли вы разве, какое жалкое существование влачила наша фантастика в период культа, когда фантазировать дозволялось только в пределах пятилетнего плана народного хозяйства...

- Пределы, однако, существуют и сейчас, - усмехается Возницын. - Этими пределами являются объективные законы природы. Вы ведь знаете, конечно, почему скорость света предельна для любой материальной частицы?

Омегин, к которому обращается Возницын, смущенно молчит, делает вид, что вопрос этот относится не к нему. А его сосед восклицает почти возмущенно:

- Ну, это знаете ли, запрещенный прием! Удар ниже пояса!..

- В самом деле, - поднимается со своего места Добрянский, - не будем экзаменовать друг друга. Всем и без того известно...

- Почему же известно! - пожимает плечами Гуслин. - Достоверно ничего еще не известно.

- Вот именно! - выкрикивает Омегин. - Вспомните-ка эффект Вавилова Черенкова! Разве он не опровергает..

Агрессивный Гуслин отесняет тем временем Фрегатова и завладевает трибуной.

- Эффект Вавилова - Черенкова, дорогой, ничего не опровергает. В нем речь идет о фазовой, а не об истинной скорости света. И я имею в виду именно эту истинную скорость и ту трудность, которая возникает при попытке объяснения нелокального взаимодействия элементарных частиц. Эту трудность все-таки можно было бы разрешить, если бы пренебречь теорией относительности, утверждающей отсутствие в природе сигналов со сверхсветовой скоростью.

- Такие сигналы могли бы существовать лишь вне материальной среды, возражает ему Возницын. - Но такой среды, как известно, не существует.

- А вакуум? - раздается голос неизвестного Русину бородастого существа студенческого возраста.

- Вы, наверно, представляете его себе как абсолютную пустоту? - не без иронии осведомляется Возницын.

- Зачем же пустоту? - обижается "бородач". - Это нулевое состояние физического поля. "Нуль-пространство", так сказать.

- Значит, что-то антиматериальное?

- Во всяком случае, пространство без частиц и электромагнитных и гравитационных полей.

Чувствуя, что спор снова приобретает опасный характер, Добрянский встает и примирительно машет руками.

- Я боюсь, что так мы действительно договоримся до отрицания материи. Давайте все-таки вернемся к повести товарища Русина.

- Ну вот, как только дошли до самого интересного, так сразу же снова запрет, - ворчит яростный противник всяких пределов Сидор Омегин. - Боимся, как бы чего...

- А чего бояться? - смеется Возницын. - Бояться можно только собственного невежества, а не ниспровержения материализма. Правильно сказал споривший со мной товарищ: вакуум - это действительно нулевое состояние физического поля, но это не совершенно пустое пространство. В нем существуют виртуальные электронно-позитронные и иные пары. Есть в нем и виртуальные фотоны. Я уже не говорю о все проникающих и, пожалуй, даже все заполняющих нейтрино. Следовательно, физический вакуум - это не отсутствие материи, а разновидность материи. Не нужно поэтому спекулировать такими словечками, как "нуль-пространство", сбивающими с толку людей недостаточно просвещенных.

- И все-таки, - улыбаясь, стучит стаканом по графину Добрянский, вернемся к Русину, тем более что материалистическая точка в споре этом явно восторжествовала. Дадим возможность товарищу Фрегатому закончить его выступление. Куда он, кстати, делся?

- А меня товарищ Гуслин выжил с трибуны, - смеется Фрегатов. - Да я и забыл уже, что хотел сказать. А что касается предела скорости, то я тоже думаю...

- Нет, давайте все-таки подумаем сначала о повести Русина, настаивает Добрянский. - Вы, кажется, сетовали, что она недостаточно "сумасшедшая"?

- Не только она, но и вообще вся наша фантастика... А в повести Русина не очень убедительно утверждение высокого совершенства населения Фазтона. И это досадно. Сама жизнь подбрасывает ведь эти доказательства. Все, наверно, читали недавнее сообщение о Калифорнийском метеорите? Непонятно? В нем обнаружили ведь кристаллы кремния. Какие-то сплюснутые пластмассовые и металлические детали, но главное - кристаллы химически сверхчистого кремния! Разве вам не ясно, что это такое? Это транзисторы! Какое же вам еще доказательство несомненного существования высокоразвитой цивилизации на Фазтоне?

- Но ведь их нашли в метеорите, который мог быть и не осколком Фазтона, - замечает кто-то.

- Ну, едва ли, - покачивает головой Фрегатов. - У астрономов ведь почти нет сомнений, что метеориты - осколки астероидов, а астероиды, видимо, осколки Фазтона, хотя эту точку зрения разделяют далеко не все. Я лично почти не сомневаюсь в этом, но гибель Фазтона, описанная Русиним, меня не убеждает. Едва ли это результат атомной катастрофы. Да и не ново. Такую гипотезу высказал еще в 1962 году украинский писатель Микола Руденко. У него, правда, имеется в виду атомная война, а у Русина спонтанная детонация огромного количества термоядерного оружия, накопленного многими государствами Фазтона. В этом есть, конечно, некоторая разница, но все равно не оригинально.

Потом выступают другие, но Алексей никого уже не слушает. Он и сам не удовлетворен своей повестью - чего-то в ней явно не хватает.

3

Когда участники обсуждения повести Русина начинают расходиться, Добрян-

ский протягивает Алексею руку.

- Ну что ж, будем считать, что все прошло хорошо.

- Хорошо? - удивляется Русин.

- По пятибальной системе не менее четверки, - смеется Добрянский.

- Но ведь явно же ругали...

- А за что? Нет, дорогой мой Алексей Васильевич, я расцениваю это обсуждение как явно положительное и не жалею, что напечатал вашу повесть в "Мире приключений". Мне она по душе, и я не изменил своего мнения о включении ее в сборник, которым мы начнем первый том приложений к нашему журналу. Нужно только доработать кое-что.

- Спасибо вам, Петр Ильич! - пожимает руку редактору растроганный Русин. - Но если вы действительно включите мою повесть в этот сборник, то я ее не только доработаю, но и основательно переработаю.

С Добрянским прощаются проходящие мимо литераторы, и это мешает его разговору с Русиним.

- Знаете что, давайте поедим домой вместе? - предлагает он Алексею. Нам ведь по пути. Вот дорогой и поговорим...

- А что, если хватить по рюмочке, Петр Ильич? - весело предлагает вдруг подошедший к ним Сидор Омегин и бесцеремонно берет редактора под руку.

- Ну нет, увольте меня от этого: я ведь не пьющий.

- А я разве пьющий? - удивляется Омегин, увлекая Петра Ильича к скрипучей лесенке, ведущей с антресолей старого здания Дома литераторов к залу ресторана. - Это для бодрости духа и профилактики. А главное - повод поговорить по душам.

Видя, что от Омегина не отделаться, Добрянский смущенно оборачивается к Русину.

- А как вы, Алексей Васильевич?

Русин достаточно хорошо знает Омегина, чтобы надеяться отвязаться от него. Да и сам он так переволюновался сегодня, что не прочь выпить немного.

- Ну, если только по одной...

- А у меня на большее и денег нет, - смеется Омегин. - Сами знаете, какие нынче гонорары. Вон, кстати, и столик свободный.

Чувствуется, что Сидор Омегин завсегдатай в клубном ресторане. Пока он ведет Добрянского с Русиним к облюбованному им столику, одна из официанток уже получает от него все необходимые указания при помощи выразительной жестикуляции. Графинчик появляется на их столе почти тотчас же. Добрянский подозрительно косится на его слишком уж пузатую конфигурацию, заполненную какой-то коричневатой жидкостью.

- Не много ли?

- Не более трехсот, клянусь вселенной, - успокаивает его Омегин, наполняя рюмки. - Никогда еще не хотелось так выпить, как сегодня. Уж больно тревожно на душе...

- Чего так? - удивляется Петр Ильич.

- Похоже, что снова стреножат нас скоро.

- Не понимаю.

- Ножки нашему фантастическому Пегасу перевяжут, чтобы далеко не ускакал, а пасса бы на ниве чистого, так сказать, диалектического материализма.

- А вы разве за идеализм или мистику в научной фантастике?

- Зачем же такие крайности! - всплескивает руками Омегин. - Но нельзя же все строго в пределах "Основ марксистской философии". У польских фантастов повсвободнее. Они могут позволить себе сочинить планету, покрытую океаном сплошной мыслящей плазмы. И никто с них не требует, чтобы они объясняли, каким же образом достигнута его способность мыслить.

- У нас тоже придумал кое-кто кристаллические существа, превосходящие человека по своему интеллекту, не утруждая себя объяснением причин столь высокого совершенства, - замечает Русин.

- А по-твоему, все нужно разжевывать? - неожиданно зло спрашивает Омегин. - Все строго по Энгельсу и его теории о роли труда?..

- Если тебе известен другой путь совершенствования живых существ, то и поведай о нем читателям. Я лично против каких бы то ни было ограничений в научной фантастике, но при условии, если не строгой научной доказуемости, то хотя бы элементарной логики выдвигаемых гипотез. А то мы черт знает до чего можем дописать!

- Ну, знаешь ли! - снова разводит руками Омегин. - Этак можно не только стреножить, но и начисто отрубить нашему Пегасу и крылья и конечности.

- А ты, значит, считаешь... - хмурится Русин, но Добрянский берет рюмку и торопливо чокается с ним.

- Хватит, пожалуй, об этом. Давайте-ка лучше выпьем!

- Да, правильно, - оживляется Сидор Омегин, ловко опрокидывая содержимое своей рюмки в рот.

Его примеру следует Добрянский. Русин подносит рюмку к губам и спрашивает:

- А вы, Петр Ильич, на чьей же стороне?

- Какая же тут может быть сторона? - пожимает плечами Добрянский. Тут не может быть двух сторон.

Повернувшись к Омегину, он продолжает:

- Я не думаю, Сидор Андреевич, чтобы и вы были за фантастику без берегов, так сказать. Наша фантастика научная все-таки. Мы ведь не только за оригинальность, но и за...

- И за многое другое, конечно, - иронически заключает за него незаметно подошедший к ним Фрегатов. - Я бы только добавил к этому, что мы еще и за широту позиций научной фантастики. Спор же шел у нас сегодня лишь в одном направлении - в направлении научного предвидения. А ведь мы решаем еще и социально-психологические, этические и философские проблемы...

- Но позвольте, - удивленно разводит руками Русин, - а как же вы представляете себе научное предвидение без всех этих проблем?

Чувствуя, что фантасты снова могут схватиться, Добрянский смотрит на часы и с деланным беспокойством восклицает:

- Ого, как поздно уже! Ну, давайте допьем, и мне пора. Вы холостяки, а у меня семья. Да и вы, Алексей Васильевич, тоже, кажется, спешите...

4

Русин живет в тихом узком переулке. В эту пору тут всегда безлюдно, но сегодня почему-то необычно много народу на противоположной стороне улицы и как раз перед окнами Алексея. А может быть, это под окнами Вари? Ну да, ко-